Цель проведения диктанта: обучающий.

Вид диктанта: объяснительный.

Задание:

- записать предложения;
- подчернуть грамматические основы;
- графически обозначить расстановку знаков препинания при вводных конструкциях.

Часть 1.

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенно пленительного, но, за неименьем пока другой дичи (дело было в начале сентября: вальдшнепы ещё не прилетали, а бегать по полям за куропатками мне надоело), я послушался моего охотника и отправился в Льгов – большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка вёрст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником. Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если какой-нибудь отсталый и неопытный чирок оказывался в воде, то достать его наши собаки не были в состоянии.

– Нет, – промолвил, наконец, Ермолай, – дело неладно: надо достать лодку... Пойдёмте назад в Льгов.

Мы пошли. Не успели мы ступить несколько шагов, как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная легавая собака, и вслед за ней появился человек среднего роста.

– Позвольте себя рекомендовать, – начал он мягким и вкрадчивым голосом, – я здешний охотник Владимир... Услышав о вашем прибытии и узнав, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, решился предложить вам свои услуги.

Я согласился на его предложение и, не дойдя ещё до Льгова, уже успел узнать его историю.

Часть 2.

Мы дошли до Льгова. И Владимир, и Ермолай, оба решили, что без лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаник, – заметил Владимир, – да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбегать к нему.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок оказался отставным дворовым Кузьмой, лет шестидесяти.

Через четверть часа мы уже сидели в дощанике Сучка. Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали, но всё-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью.

Владимир, к великому утешению Ермолая, стрелял вовсе не отлично и после каждого неудачного выстрела удивлялся, осматривал и продувал ружьё, недоумевал и, наконец, излагал нам причину, почему он промахнулся. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно, я – довольно плохо, по обыкновению.

Мы собирались вернуться в село, как вдруг с нами случилось довольно неприятное происшествие.

К концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успевали заряжать ружья. В пылу перестрелки мы не обращали внимания на состояние нашего дощаника, – как вдруг, от сильного движения Ермолая (он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте.

Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконец, берега.

Часа два спустя мы уже все сидели, по мере возможности обсушенные, в большом сенном сарае и собирались ужинать. (По И.С. Тургеневу.) (417 слов).